

CRITICA ET BIBLIOGRAPHIA

Кроо Каталин, Бона Ева (ред.) *Голоса русской филологии из Будапешта. Литературоведение и языкознание на Кафедре русского языка и литературы Университета им. Лоранда Этвеша.* Будапешт, 2018. 274 с.

В сборнике «Голоса русской филологии из Будапешта» собраны статьи сотрудников Кафедры русского языка и литературы будапештского Университета им. Лоранда Этвеша. Авторы исследований выбрали темы, присущие профилю их личных научных интересов и методологии. Тематика материалов в то же время свидетельствует о разнообразии исследовательских направлений, существующих на Кафедре. В этой книге читатель найдет статьи по актуальным вопросам литературоведения, языкознания, переводоведения и семиотики в области русской филологии.

Сборник «Голоса русской филологии из Будапешта» органически вписывается в традицию научных изданий Кафедры русского языка и литературы будапештского Университета им. Лоранда Этвеша.¹ В нем представлены исследования нескольких поколений сотрудников Кафедры.

К младшему поколению относится Александра Банченко, чьей статьей «К вопросу теории культа Достоевского» (с. 7–19) открывается сборник. Ее исследование посвящено общим вопросам теории культа писателя в культуре вообще с отсылкой к некоторым фактам культа Ф. М. Достоевского.

Энхзаяя Вандан в своей статье «Категория вечности Достоевского в монгольском переводе романа „Преступление и наказание“» (с. 20–30) не только дает анализ категории вечности в творчестве Достоевского, но и насыщает ее понимание новыми оттенками, сопоставляя языковые и культурные коннотации данной категории с переводом самого слова «вечность» и всего лексического гнезда из романа Достоевского на монгольский язык и на «язык» монгольской культуры.

Агнеш Дуккон в работе «Власть земная или власть небесная? В. С. Соловьев о взаимоотношении церкви и государства в России» (с. 31–45) рассматривает некоторые аспекты воззрений Владимира Соловьева на то, возможно ли соотнести друг с другом идеи всеединства и национальности, изложенные философом в его работах конца 1880-х годов в полемике с официальной русской церковью и в контексте празднования 900-летней годовщины крещения Руси.

Мария Дьёндьёши в исследовании «„Карлик“ в мифопоэтике А. Блока (варианты образа и их источники)» (с. 46–60) прослеживает разные воплощения образа карлика, его атрибуты и роль в (лирическом) сюжете, исходя из анализа некоторых произведений А. Блока 1904–1907 гг. Параллельно с этим автор выявляет блоковские особенности этого образа и истоки его, восходящие к германским мифам и преданиям, пропущенные сквозь призму вагнеровских интертекстов.

¹ См. тома серии «*Studia Russica*» (Budapest, 1978–2018), а так же сборник «*Russica Hungarica: Исследования по русской литературе и культуре. Русистика в Будапештском университете.* Budapest–Москва, 2005.

Андраш Золтан в статье «Венгерское сложное будущее в ареальном аспекте» (с. 61–66) обращается к нерешенному в венгерской лингвистике вопросу о происхождении конструкции *fog* ‘брат, взять’ + *инфинитив* (*menni fog* ‘будет идти’). Автор вносит существенные уточнения в гипотезу о контактном происхождении этой формы, указывая на наличие сложного будущего типа *(j)eti + *инфинитив* не только в восточнославянском, как предполагалось ранее, но и в южнославянском ареале и таким образом, вероятнее всего, и в языке славян Паннонии, из которого и была калькирована венгерская конструкция.

Доминика Золтан в своей статье «К проблеме „случайности“ в поэтике А. П. Чехова» (с. 67–81) с оглядкой на предысторию исследования темы задается вопросом, что следует понимать под «случайностью» в поэтике Чехова, и является ли она конструктивным фактором поэтики чеховской прозы.

Автор статьи «Зеркало в зеркало. Герцен: автобиографичность и самопознание» (с. 82–94) Дьёрдь З. Йожа прослеживает разные фазы, жанровые формы и философские аспекты автобиографичности и авторепрезентации в творчестве А. И. Герцена. Исследователь особо акцентирует герценовскую интенцию зеркального отображения жизненных событий и собственного «я», сквозь которое проступают контуры нарциссической модели творчества.

Статья Арпада Ковача «О поэтических фигурах кореференций в русской литературе XIX века» (с. 95–116) посвящена тому, как представлена проблема кореференций, воздействующих на самопонимание читателя. В центре внимания оказывается слово как «событие бытия» и постижение его смысла воспринимающим субъектом. В построенной в форме вереницы экскурсов работе автор, обращаясь к произведениям Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, показывает, каким образом кореферентное освоение смысла рассказа связывается с самопониманием субъекта.

Каталин Кроо посвящает свое исследование «Роль нарративной композиции и интертекста в метапоэтике романа Лермонтова „Герой нашего времени“» (с. 117–136) выяснению роли и динамики лирического интертекста, вырастающего из стихотворений поэта (в первую очередь, из стихотворения «Парус») в романе «Герой нашего времени». В работе прослеживается связь этого вопроса с нарративной композицией прерванности. Автор убедительно показывает, как места порождения интертекста «Паруса» в романе способствуют тематизации идеи продолжения и/или заканчивания текста.

Аранка Лацхази в своем исследовании «К вопросу о сопоставлении категории вида литовского и русского глаголов» (с. 137–149) выявляет новые явления в образовании аспектуальных значений в литовском языке и их функционировании. Автор показывает ряд схожих черт литовского суффикса *-inė-* и русского *-ыва-* и, соглашаясь с мнением исследователей о склонности литовского языка к грамматикализации видовых оппозиций, высказывает предположение, что контакты с русским языком могут ускорить реализацию этой тенденции.

Статья Виктории Лебович «„Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе“ и „Ревизор“» (с. 150–165) показывает перипетии воплощения сюжета о мнимом ревизоре знаменитой комедии Н. В. Гоголя в истории ее сопоставления с пьесой Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе». Автор прослеживает разные версии взаимоотношения двух пьес, которые подтверждают, насколько «ходовым» был данный сюжет для русской литературы и культуры XIX века.

Иштван Надь в статье «Поэтика и Этнос или что дает понять нам совесть о сущности искусства. Марина Цветаева: Искусство при свете совести» (с. 166–182), исходя из автоматического текста М. Цветаевой «Искусство при свете совести» и других ее текстов, стремится показать тяготение русской литературы и культуры XX в. к этизации художественных проблем. Особо акцентированно выявлены в статье рефлексии М. Цветаевой на тему языковой совести.

Ангела Палади посвятила свое исследование «Государственные языки и языки-посредники от Брюсселя до Бельц» (с. 183–202) сопоставлению языковой ситуации в Молдове и Бельгии. В работе анализируются сходства и различия между парадигмами сосуществования русского с румынским и французского с «нидерландским» (языком фламандцев) в разных регионах этих стран (Гагаузия, Кишинев, Приднестровье – Фландрия, Валлония, Брюссель). В подобных ситуациях, как считает автор, закономерно возникает языковая фрустрация или даже политические конфликты.

Ильдико Палоши в работе «К вопросу о многозначности глагольных приставок: мультисубъектность и мультиобъектность» (с. 203–216) исследует взаимодействие с контекстом приставочных глаголов типа *наварить*, *поумирать*, *понаехать*, *переболеть*. Детально анализируя сочетаемостные особенности каждого мультисубъектного и мультиобъектного префикса по отдельности, автор приходит к выводу о повышенной значимости контекста, без которого трудно определить семантику приставочного глагола.

В статье «Стихи о вторичном расцвете любви. Пушкин и Тютчев» (с. 217–220) Михая Петера дан сравнительный стиховедческий анализ стихотворений А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») и Ф. И. Тютчева «К. Б.» («Я встретил вас – и все былое...»). Общность темы и подспудное переживание традиции (в случае Тютчева) порождает параллелизм разворачивания лирического сюжета, ритма и инструментовки обоих стихотворений, что блестяще показано автором статьи.

Тюнде Сабо в статье «Две Тани: полемика Л. Улицкой со взглядами Л. Толстого» (с. 221–230) на материале двух произведений Л. Улицкой, романа «Казус Кукоцкого» и повести «Сонечка» выявляет двойственность отношения писателя к наследию Л. Н. Толстого. Автор статьи приходит к выводу, что семейными и любовными отношениями героев Улицкой, их влечениями и отторжениями руководит стихия, стоящая за пределами моральных рассуждений, что резко противостоит позиции Л. Толстого – писателя и моралиста.

Жужа Хетени посвящает свое исследование «К определению жанра и понятия абсурда. Даниил Хармс и Иштван Эркенъ» (с. 231–246) сопоставлению произведений Даниила Хармса и Иштвана Эркеня. Автору удается создать не только объемную перспективу творчества двух писателей близких геокультурных сфер, но и дать сравнительный анализ многих текстов обоих авторов, указывая на родство абсурда Хармса и гротеска Эркеня. На базе этого параллельного анализа выстраивается концепция жанра и понятия абсурда, которой автору удается внести свой вклад в теорию и историю абсурда.

Сабольч Янурик в статье «О некоторых типах калькированных английских терминов в современном русском языке» (с. 247–256) обращает внимание на малоизученную область контактологии – калькированную терминологию, содержащую зоонимы и цветообозначения. Обращаясь к «биржевой, политической и компьютерной зоологии», а также к конструкциям, содержащим цветообозначения *черный*, *белый*, *голубой*, *зеленый* и *желтый*, автор замечает, что метафорический перенос, мотивирующий терминотворчество, происходит уже в языке-источнике и, таким образом,

для адекватной интерпретации данных слов носителем русского языка необходимым является экстралингвистический комментарий.

Ласло Ясаи в работе «О взаимоотношении категории вида и лексического значения глагола» (с. 257–274) показывает, что влияние лексического значения глагола проявляется как в плане формирования корреляций, так и в функционировании видовых форм. Исходя из существующих классификаций, автор предлагает свой подход к типам видовой соотнесенности. В статье также показано, что лексическая семантика глагола может препятствовать выражению им некоторых частных видовых значений, например, процессного или общефактического. Отмечая проблематичность лексической тождественности некоторых видовых пар, автор находит целесообразным считать вид при преподавании русского как иностранного не грамматической, а лексико-грамматической категорией.

Дениз Атанасова-Соколова, Иван Хегедюш

LEBOVICS Viktória: *Ars translationis. Статьи по истории, анализу и преподаванию перевода.* Budapest: ELTE BTK Szlav Filológiai Tanszék, 2018. 263 p.

Перевод – материя необычайно неуловимая, которую можно назвать разными словами. Если мы обратимся к словарям, то найдем, например, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова следующее объяснение переводу: «Текст (или устная речь), переведенный с одного языка на другой. [...] // Литературное произведение, переданное иными художественными средствами, но сохраняющее форму оригинала» (БТС 1998: 796), а в «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина: «Перевод – это вспомогательный вид речевой деятельности, в процессе которой осуществляется передача содержания текста средствами другого языка; преобразование речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении смысла этого произведения» (Азимов–Щукин 2009: 193). Если мы обратимся к научным трудам специалистов по теории перевода, переводчиков-практиков, то они рассматривают перевод, например, как определенный вид межъязыкового преобразования (межъязыковой трансформации) (Бархударов 1975: 6), как «речевое произведение в его соотношении с оригиналом и в связи с особенностями двух языков и с принадлежностью материала к тем или иным жанровым категориям» (Федоров 1983: 10), как особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства (Виноградов 1978: 8).

Таким образом, перевод – это, с одной стороны, текст (или устная речь), переведенный на другой язык, литературное произведение, переданное иными художественными средствами, речевое произведение в его соотношении с оригиналом, и, с другой стороны, вспомогательный вид речевой деятельности, определенный вид межъязыковой трансформации, но в любом случае, перевод – это особый вид словесного искусства.

Исследования в области теории и практики перевода, искусства перевода, особенно интенсивно начали вестись в прошлом столетии и продолжают сегодня.

В 2018 г. в серии «Opera Slavica Budapestinensia. Litterae Slavicae» вышел сборник статей по истории, анализу и преподаванию перевода *Ars Translationis*. Выход сборника закономерен: более 30 лет автор сборника доктор философии (PhD) Виктория Лебович преподает (в том числе и перевод) в Будапештском университете им.

Лоранда Этвеша (сначала на кафедре русского языка, позже на кафедре украинской филологии), анализирует переводы, занимается переводческой практикой.

В *Ars Translacionis* вошли статьи на русском и украинском языках, написанные автором на протяжении более чем 20 лет.

Ряд статей в сборнике посвящен истории перевода.

В 1916 году Гиадор Стрипский (укр. Гіядор Стрипський) издавал в Будапеште журнал «Ukránia. Ukrán–magyar kulturális és gazdasági kapcsolatok szemléje». Статья *Часопис 1916 року «Ukránia»* посвящена обзору литературных публикаций журнала в целом и венгерских переводов украинской литературы в частности. Работа *16 угорських перекладів «Заповіту» Тараса Шевченка* знакомит читателей с переводчиками и историей создания на протяжении почти 100 лет шестнадцати венгерских переводов «Завещания» (укр. «Заповіт») украинского поэта Тараса Шевченко (первый перевод был осуществлен в 1916 году, последний – в 2014 году). В статье *Твори Івана Франка угорською мовою* рассматривается 120-летняя история выхода в свет венгерских переводов произведений Ивана Франко.

Исследование *Загадочный переводчик-сфинкс* посвящено истории устного перевода.

Обращение автором сборника к теме истории перевода неслучайно, так как рассмотрение истории переводческой практики и теории, исследование роли переводной литературы в национальных литературах является одной из важнейших задач переводоведения.

Большая часть работ *Ars Translacionis* посвящена анализу художественного перевода, в частности, венгерскому переводу рассказа Ивана Франко «До світла! (Оповідання арештанта)», выполненному Гиадором Стрипским и напечатанному в журнале «Ukránia» (*У истоков рецепции украинской литературы в Венгрии*), и венгерскому переводу отрывка из романа Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» (*Ржеш ли сонце?*). В работе «Чудний» чи «чудовий» *Петербург Шевченка?* сопоставляется так называемый петербургский текст в двух венгерских и одном русском переводе политической сатиры Тараса Шевченко «Сон». На основе издания Леонида Махновца «У віках безсмертне. „Слово о пълку Игоревъ“ та його поетичні переклади і переспіви» (1967) (в книге собраны переводы *Слова о полку Игореве* на украинский язык, выполненные 26 авторами почти за 135 лет) написана статья *Українські переклади плача Ярославни*. Анализируя конкретный материал, Виктория Лебович приходит к выводу, «что на решение переводческих проблем и задач сказываются литературные и переводческие традиции эпохи, связанные с уровнем развития читательского восприятия и общим уровнем развития той литературы, на которую переводят, личные интересы, индивидуальные побуждения и стремления переводчика, а также его личное творчество» (с. 117).

С трудностями передачи реалий в художественном переводе читатель может познакомиться в исследованиях, посвященных 200-летию со дня рождения Николая Гоголя: «...*Всї малоросійські обороти речі и конструкцію прочь!*». *Николай Гоголь и Пантелеймон Кулиш и Узнают ли венгерские читатели «Тараса Бульбы», что для украинцев значит «свита»,* в которых рассматриваются конкретные примеры из венгерского перевода 1925 года Золтана Трочани «Тараса Бульбы». «Основные трудности при передаче реалий в художественном переводе заключаются в отсутствии соответствия у носителей языка перевода обозначаемого реалией объекта и необходимости наряду с предметным значением, семантикой реалии, передать и колорит, национальную и историческую окраску» (с. 113), – отмечает автор статьи.

Примеры свидетельствуют «о том, что неверно выбранное переводчиком решение значительно обедняет перевод, лишая его разных коннотаций и значений, закодированных в оригинале» (с. 142).

Критика перевода дает оценку адекватности переводов оригиналу, исследования перевода с одного конкретного языка на другой, перевода конкретного вида материала обогащают общую теорию перевода.

В работах *Образ переводчика в художественной литературе*, *Кабина синхрониста* и *Михаил Лермонтов, Максим Рыльский и перевод* автор рассматривает, кроме прочего, самого переводчика, отношение к нему в обществе, взаимосвязь автора художественного произведения и переводчика, писателя и писателя-переводчика. «Август Шлегель сравнивал автора художественного произведения и переводчика с дуэлянтами, один из которых должен пасть. В. А. Жуковский назвал переводчика в прозе – рабом, переводчика в стихах – соперником. Венгерский писатель Д. Костолани писал, что переводчик художественного произведения это все равно, что танцор, связанный по рукам и ногам» (с. 143). Украинский поэт-переводчик Григорий Кочур сравнивал переводчика с колдуном (с. 173). Положение переводчиков в обществе двойственно: их, с одной стороны, как замечает Виктория Лебович, «воспринимают как простой обслуживающий персонал, работу которых может выполнить кто угодно (в древние времена переводчиками были рабы и пленные), а, с другой стороны, они часто являются предметом чрезмерного восхищения» (с. 188).

Анализ венгерского перевода отрывка из повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» в статье *Ржет ли солнце?* служит выявлению причин допущения ошибок и неточностей в переводе в учебных целях: «единственной положительной чертой плохого перевода является то, что на его основе будущие переводчики могут многому научиться» (с. 167). Работы *Образ переводчика в художественной литературе* (проводится анализ трех украинских произведений: стихотворений Дмитра Билоуса «Перекладацький горішок» и Григория Кочура «Перекладач» и рассказа Владимира Диброва «Перекладач») и *Кабина синхрониста* (анализируется рассказ Г. Гауза «Кабина синхрониста») можно рассматривать как своеобразный опыт использования художественных произведений в преподавании перевода. «Художественные произведения про перевод и переводчиков помогают в осмыслении процесса перевода, помогают сделать соответствующие выводы о принципах и методах перевода» (с. 190).

Преподаванию перевода посвящены и следующие две работы: *Ох, уж этот перевод...* и *Роль и место перевода в обучении языку*. Автор подчеркивает важность обучения переводу, потому что переводчик – это профессия: не каждый, кто владеет тем или иным иностранным языком, может быть переводчиком. «Перевод – одна из самых эффективных форм изучения иностранного языка, хотя в системе обучения иностранным языкам ему должного внимания не отводят» (с. 10).

Завершает сборник краткий обзор статей на венгерском языке и библиографическая справка.

Опубликованные в сборнике исследования актуальны в теоретическом и практическом аспектах переводоведения, в практике преподавания иностранных языков, в межязыковой и межкультурной коммуникации и будут полезны и интересны не только переводчикам, но и широкому кругу ученых-лингвистов, а также студентам – будущим филологам и переводчикам.

Лариса Станкевич

Литература

- АЗИМОВ–ЩУКИН 2009 = АЗИМОВ Э. Г., ЩУКИН А. Н. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: «Икар», 2009.
- БАРХУДАРОВ 1975 = БАРХУДАРОВ Л. С. *Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: «Международные отношения», 1975.
- БТС 1998 = КУЗНЕЦОВ С. А. (ред.) *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт», 1998.
- ВИНОГРАДОВ 1978 = ВИНОГРАДОВ В. С. *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Москва: «Издательство МГУ», 1978.
- ФЕДОРОВ 1983 = ФЕДОРОВ А. В. *Основы общей теории перевода*. Москва: «Высшая школа», 1983.

SIMONEK Stefan: **Von Lenau zu „Laibach“. Beiträge zu einer Kulturgeschichte Mitteleuropas.** (Wechselwirkungen 18.) Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. 434 S.

Von den zwischen 2000 und 2013 publizierten Abhandlungen wurden insgesamt 18 vom Professor Simonek, dem Professor des Instituts für Slawistik in Wien verfasst. Die Studien liegen sowohl zeitlich als auch räumlich weit voneinander entfernt, wenn auch im Mittelpunkt in erster Linie Galizien liegt, dessen ukrainischen und polnischen Autoren in mehreren Sprachen wirkten und somit in mehreren Kulturen engagiert waren. Professor Simoneks Interesse reicht von den sich miteinander in verschiedenen Sprachen verkehrenden und kommunizierenden Dichter der Jahrhundertwende bis zur Popkultur der unmittelbaren Gegenwart. Der „springende Punkt“ der Abhandlungen ist die Möglichkeit des Umdenkens eines „Mitteleuropa“-Konzeptes, denn die permanenten Literaturbeziehungen, die oszillierenden-kritischen Verhaltensweisen zwischen Rezeption und Ablehnung, die verschiedenen Varianten des kulturellen Transfers erstellen einen solchen regionalen Raum, dessen Grenzen sich zwar ab und zu ändern, doch im Großen und Ganzen wird es ermöglicht, dass diese literarisch-kulturelle Region doch als Mitteleuropa bezeichnet werden kann.

Da ich mich eher mit dem Phänomen der ungarischen Literatur des 19. Jahrhunderts befasse und die ungarische Literatur nicht zufällig als unvermeidlichen Faktor der Region betrachte, bin ich der Meinung, dass in der mitteleuropäischen Region mehrere Subregionen auffindbar sind. Die Gültigkeit der Bezeichnung ist deshalb in den unterschiedlichen Jahrhunderten veränderlich: die polnische und ungarische Literatur im 18. Jahrhundert war viel differenzierter als die der Tschechen oder Slowaken und zeigte auch viel weniger Interesse zur österreichischen Literatur gegenüber. Der romantische Durchbruch verlief sowohl zeitlich als auch in ihrer Intensität anders bei den Polen als bei den Ukrainern und dasselbe kann auch bei den Ungarn und Tschechen behauptet werden.

Bis zur Jahrhundertwende verstärkten sich nämlich die Tendenzen, die auch als Grundlage Professor Simoneks Bücher dienen: zum Beispiel weist die Zweisprachigkeit andere Charakteristika auf als im 18. Jahrhundert oder am Anfang des 19. Jahrhunderts. Es ist auch problematisch, in wie weit Sevtschenkos ukrainisch-russische Zweisprachigkeit mit der ukrainisch-deutsch-polnischer Dreisprachigkeit I. Frankos verglichen werden kann. Man hat den Eindruck, dass Professor Simonek die Stilbestrebungen der Jahrhundertwende als Literaturgrenze betrachtet, auch wenn dies nur auch unausgesprochen zum Ausdruck gebracht wird: die Spätromantik, der Symbolismus, der Impressionismus wird

zusammenfassend als *Moderna* apostrophiert und teils in die kulturelle Beziehung des von Simonek als Donaumonarchie genannten Staat eingefügt. Oder es wird versucht, die Bestrebungen der slawisch- und deutschsprachigen, sich selbst positionierenden, definierenden Literaturen neu zu deuten.

Diese Tatsache wird vom Autor des Bandes auch sehr anerkennend nicht getrennt von den Beziehungen der slawischen Literaturen zu Wien behandelt. Diese werden teils in persönlichen Beziehungen, Kontakten offenbart: es geht um den Wiener Aufenthalt von Machar, Cankar, Župančič, insbesondere wie dies in Zeitungsartikeln und literarischen Werken thematisiert wird. Andererseits gibt uns Simonek Auskunft über seine Forschungen bezüglich der direkten und indirekten Kontakten zur österreichischen Literatur, dessen Spuren in den vom Autor recherchierten und veröffentlichten Korrespondenz und Zeitungsartikeln für die Leser sichtbar gemacht wurden. Es werden vielfältige und wichtige Beziehungsnetze gewoben, die trotz der vorhandenen ideologischen und nationalpolitischen Differenzen sich als haltbar erwiesen und bei Machar (zum Beispiel) das Ende der Monarchie überleben. Professor Simonek betrachtet jedoch die Erfassung dieser Kontakte bloß als Beginn der Forschung, was durchaus von der Interpretation gefolgt werden müsse. Zur Interpretation, Deutung soll aber so ein Konzept konstruiert werden, das die Konfrontation der Beziehungen und verschiedenen Identitäten unterstützt, und nicht zuletzt eine moderne Erklärung der regionalen Vorstellung gibt. Die kontaktologische Erschließung in sich ermöglicht bloß die Aufzählung oder eventuell die Hierarchierung der Daten, man steht aber größtenteils verständnislos den sprachlich-kulturellen Widersprüchen des Zeitalters (in diesem Falle das Zeitalter der Jahrhundertwende) gegenüber.

Die Frage könnte folgendermaßen gestellt werden: warum verstärkt sich die Zweisprachigkeit der in ihrer Nationalliteratur zu einer bedeutenden Rolle zukommenden Autoren (I. Franko, T. Rittner, I. Cankar) gerade in den letzten Jahrzehnten der Donaumonarchie? Kann es mit „dvojomovost“ (Terminologie von D. Đurišin), d. h. mit Zuhause sein in zwei Literaturen erklärt werden? Oder geht es um die von den erwähnten Autoren in deutscher Sprache geschriebene ukrainische oder slowenische Werke? Rittner hat diese mit gewissen Abänderungen sowohl auf polnisch als auch auf ukrainisch verfasst. Ein weiterer Punkt bezüglich der Autoren von der „Peripherie“ der Donaumonarchie ist ihre Beziehung zur Literatur der Staatssprache. Im Allgemeinen zur literarischen Richtungen der Tätigkeit von Hofmannsthal, Schnitzler, H. Bahr, Beer-Hoffmann (um nur einige wichtige Namen zu erwähnen), und auch die Frage, wie in dieser Auseinandersetzung die kulturelle Tradition der Muttersprache zurecht kommen könne. Als weiteres Problem erstellt sich die Frage, wie aus der keinesfalls als heimisch aufgefasste, nicht aus den nationalen Traditionen herauswachsende Sezession oder Symbolismus in der Muttersprache hervorgebrachten Werken umgedeutet werden können. Und weitaus nicht zuletzt: welche Sympathien und Antipathien spielen eine Rolle bei der literarischen Präsentation der gefürchteten, gehassten, bewunderten Großstadt Wiens. Des Weiteren: in wie fern kann die durch die Werke der zitierten slawischen Autoren zu einer multikulturellen Hauptstadt gewordene Wien als Anreger oder eventuell Hindernis zur Organisation der Identitäten betrachtet werden, bzw. fraglich ist auch, ob die Autoren interessiert oder engagiert in der Konstruktion von Auto- oder Heteroimage gewesen sein könnten.

Die Abhandlungen im Professor Simoneks Band versuchen die schon aufgezählten Fragen (und die Fragen könnten noch weiter aufgelistet werden) aus unterschiedlichen Richtungen zu formulieren und zu beantworten. In einem Teil seiner Studien konfrontiert er einige Thesen der aus hervorragenden Vertretern der postkolonialen Theorie bei der Umschreibung der mehrsprachigen, multikulturellen Gepräge von „urbane milieu“. Die Ver-

Selbstständigkeit der Volks- bzw. Nationspersönlichkeit gehört in die slawischen Bestrebungen des Zeitalters. Dies würde auch unbedingt den Kampf gegen die in Wien sitzende Zentralmacht bedeuten, denn Slowaken, Kroaten und teilweise Serben kämpfen gegen die Ungarn für die Akzeptierung der Volks- bzw. Nationspersönlichkeit. Und obwohl im „wahren“ Sinne des Wortes nicht über „Kolonien“ gesprochen werden kann, ist die Zitierung oder die Anwendung der Terminologie jener Autoren keinesfalls hoffnungslos, die über „Erlebnisse“ einer Kolonie sprechen, und zwar im Sinne einer sprachlich-kulturellen Selbstpositionierung.

Es ist nämlich ganz sicher, dass die Applikation der Theorie mit Scheitern droht, wenn wir die Geschehnisse der Jahrhundertwende in der Donaumonarchie mechanisch mit den kulturellen Selbstbefreiung Indiens, des Nahen Ostens, oder Afrikas verbinden. Die englisch-indische Beziehung und die darauf reagierende natürlich in englischer Sprache wirkender indischer Theorieforscher hat wahrscheinlich eine ganz andere „Beziehung“ in der Vergangenheit oder der sprachlich-kulturellen Gegenwart konstatiert, als der Forscher der Donaumonarchie in Mitteleuropa. So viel kann jedoch geäußert werden: die Universalität der Regierung und des Rechtswesens die auf die Region bezogen werden kann, der Umfang des Schulwesens, was sich sowohl auf den Lehrplan als auch für die obligatorische Erwerbung der deutschen bzw. ungarischen Sprache betrifft, sowie das Beamtentum, die Armee als Symbol der Einheit der Monarchie, die Stadtplanung, die Ähnlichkeit gewisser Gebäude (z. B. Theater), die Identität von Statuen auf öffentlichen Plätzen (auch wenn die Orte der Erinnerung in mehrsprachigen Städten miteinander rivalisieren) deuten immer an, dass die Organisation „Mitteleuropas“ im Sinne des gleichen Reiches geschieht.

Es ist natürlich eine andere Frage, in wie fern Mitteleuropa mit der Donaumonarchie gleichgestellt werden kann. Professor Simonek untersucht die drei früheren Varianten vom Mitteleuropa-Gedanken und überprüft diesbezüglich ihre mögliche Anwendbarkeit. Das Problem ist auch, ob aus Abhandlungen mit polnischem, tschechischem, ukrainischem, slowenischem und kroatischem Thema, die auf jeden Fall zu Wien, zur österreichischen Literatur anschließen, aus den Verknüpfungen mit Autoren ausgehen, und natürlich nur davon ausgehen, um einen weitläufigeren, großzügigeren Raum zu finden, generelle Lehren zu ziehen: die Frage ist also, kann sich somit Mitteleuropas Bild entfalten? Die Antwort könnte folgendermaßen formuliert werden: die abschließende Abhandlung theoretischer Art und die einzelnen Studien des Bandes geben gemeinsam eine Deutung auf die Frage. Selbstverständlich hat das Band nicht als Ziel gesetzt, eine Monographie über Mitteleuropa darzulegen. Ziel und Aufgabe war es, die mitteleuropäische Region mit Hilfe von Fallstudien zu präsentieren und diese durch die Impulse der postkolonialen Theorie neu zu deuten. Diese Sammlung von Abhandlungen arbeitet mit einer äußerst vielfältigen Substanz, und der Autor führt eine sorgfältige philologische Erkundungsarbeit.

Und was auch wichtig ist, Professor Simonek verliert nie die weit entfernte Zielsetzung aus den Augen: die Charakterisierung eines literarischen Mitteleuropas, den Umriss seiner Charakteristik. Diese mitteleuropäischen „Wechselseitigkeiten“ reichen sprachlich und teilweise kulturell bis heute, was gerade die Abhandlungen über die Popkultur beweisen. Professor Simoneks Buch ist ein wertvoller Beitrag zum wahrscheinlich nie zu einem Ruhepunkt gelangenen Mitteleuropa-Debatte, und spornt somit die Forschung durch die neue Sichtweise der slawisch-österreichischen Beziehungen zur Verfassung von neuen Abhandlungen im Thema. Sein Band ist ein bedeutendes, wichtiges Ereignis der Slawistik und Germanistik.

István Fried

BATUŠIĆ Nikola: Geschichte des deutschsprachigen Theaters in Kroatien. (Theatergeschichte Österreichs. Band 10. Donaumonarchie. Heft 7.) Herausgegeben von Elisabeth Großegger und Gertraud Marinelli-König. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2017. 273 S.

Die deutschsprachigen Theater in Kroatien erfüllen mindestens folgende Doppelfunktionen. Als erste Funktion können wir erwähnen, dass sie in den Städten von Nikola Batušić erfassten Monographien Theatervorstellungen zustande brachten und somit eine Verhaltensform (Theaterbesuch, kultureller Wissenserwerb, kulturelle Bildung) auf einem wichtigen kulturellen Bereich etablierten. Die zweite Funktion kann im Gegensatz dazu so hervorgehoben werden, dass die deutschsprachigen Theater für die kroatische Nationalbewegung ein Argument für das Folgende lieferten: im Interesse für die Kroatisierung der Städte müssen die Formen des Theaters, des „Theatertums“ entwickelt werden. Außerdem müssen von den deutschsprachigen Bühnen die dort erfolgreichen Theaterstücke übernommen werden (und das bedeutete im Großen und Ganzen die Adaption der popularisierten zweit- oder drittklassigen Theaterstücke). In dieser Weise funktionierte die Bühne nicht nur als moralische Anstalt, sondern auch als Mittel der Sprachverbreitung, und als sehr wichtige Institution des nationalen Kulturmodells.

Die Monographie von Nikola Batušić begleitet jenen Prozess, der vom mehrsprachigen Theaterspiel in den einzelnen Schulen bis zum Konzept und Praxis des professionellen Theaters reicht. Die größte Aufmerksamkeit widmet das Buch den Theaterbewegungen der sich in dieser Zeit zur Hauptstadt entwickelnden Zagreb (Agram). Als Ordnungsprinzip dient die Präsentation der (einander sehr auffällig ähnelnden) Programmpolitik der sich oft wechselnden Bühnen-Pächter. Wir erfahren jedoch wenig darüber, warum die mit großer Erwartung vorgestellten Theaterdirektoren meistens mit Misserfolg und Scheitern das Theater verlassen mussten. Die Programmpolitik des Theaters wich im Großen und Ganzen von der Schauspielwahl der anderen deutschsprachigen Theater der Habsburgermonarchie kaum ab. Das Niveau der Vorstellungen wurde mit gutem Recht stark kritisiert, aber da die Theater lange Zeit keine Konkurrenz hatten, waren sie in einer ständigen Monopolsituation. Die Schauspieler hatten meistens keine besonders hohe Ausbildung, es waren nur die als Gast (aus Wien, Pest oder anderen Städten der Monarchie) auftretenden Künstler, die eine anspruchsvolle Schauspielkunst präsentieren konnten.

Ich muss jedoch anmerken, dass der ästhetische Wertmaßstab, die durchschnittliche Bildung der Zuschauer im Vergleich zu den Wiener Zuschauern ebenfalls vieles zu wünschen übriglässt. Es ist jedoch auffallend, dass von den aufgeführten Stücken relativ wenig solche slawischen oder kroatischen Anknüpfungspunkte hatten, die für die deutschsprachigen Adligen und Bürger, die seit den 1830-er Jahren „lebhafter“ wurden, aber in ihre Deutschsprachigkeit und Biedermeier Lebensauffassung sich zu verstecken versuchten, begehrenswert waren.

Als in den 1850-er Jahren der Anspruch auf die „Änderung“ reif wurde, organisierte die Jugend in Zagreb eine nahezu putschartige Aktion gegen das deutschsprachige Theater, sodass es praktisch von einem Tag auf den anderen von seiner Tätigkeit entraubt wurde. So wurde ab 1860 die kroatische Einsprachigkeit in den Theatern eingeführt, doch in der Stadt war noch lange die Zweisprachigkeit charakteristisch.

Ganz anders sah die Situation der deutschsprachigen Theater in kleineren Städten aus: Osijek (Esseg), Varaždin (Warasdin) sowie Karlovac (Karlstadt). Ungeachtet dessen kann im Repertoire kein großer Unterschied entdeckt werden. In der alltäglichen Tätigkeit war vielleicht nur so viel spürbar, dass die Gastkünstler in Esseg eher aus Pest und in

Varaždin aus Graz kamen. Der Bereich der kroatischen Bewegung war auch in diesen Kleinstädten spürbar, aber die Spannung zwischen den Vertretern der kroatischen und deutschen Kultur war kleiner. So konnte zum Beispiel in Osijek bis 1918 (!) die deutschsprachige Bühne fortbestehen, auch wenn im 20. Jahrhundert meistens Wanderbühnen und nicht ein ständiges Theaterensemble das Repertoire vortrugen.

Nikola Batušić (1938–2010) verfasste sein Buch in den 1980-er Jahren. Es kam aus dem Vermächtnis des bekannten Theaterhistorikers Margret Dietrich hervor, und gelangte unter der Redaktion und den Ergänzungsnoten von Elisabeth Großegger und Gertraud Marinelli-König vor den Lesern. Das Buch ist sehr reich an Daten und gibt aufschlussreiche Informationen über das Theater in Zagreb. Es liefert dem Leser reichlich Tabellen über die bis zum 1860 dauernden Vorstellungen des Zagreber Theaters, und es ist somit eine unentbehrliche Quelle der kroatischen Theatergeschichte. Da Batušić in den 1980-er Jahre seine Forschungsarbeit abgeschlossen hatte, reagierte er nicht auf die sich weitgehend entfaltenden cultural turn, also nicht auf die Eingliederung der Zusammenhänge von Literatur, Kunst, Soziologie, Anthropologie in die Theaterwissenschaft. Und auch wenn die Batušić-Monographie nicht eindeutig als eine positivistische Arbeit genannt werden kann, besteht seine Stärke trotzdem in der Bekanntmachung von Daten.

Viel weniger spielt in der Monographie die Literatur- und Theatersoziologie, die kulturelle Anthropologie eine wichtige Rolle. Fast nichts erfahren wir über die Schichtung der Theaterbesucher, die Proportion der Adligen und Bürger. Wir wissen auch nicht, wer eher die Possen mochte (es geht ziemlich wenig um die Lokalposen) und wer die Opern genoss: nicht unbedingt gibt es Übereinstimmungen zu den verschiedenen Schichtungen der einen oder anderen Präferenz. Es gibt wenig Information über die finanziellen Fragen: welchen Betrag die Pächter zur Verfügung hatten und verwalteten, wie sie sich die Theaterkulissen und Szenerien, die Kostüme eventuell in mehreren Stücken zunutze machten, welche Souffleur- und /oder Regisseur-Exemplare übriggeblieben sind, und welche Folgerungen, Konsequenzen eventuell von den fortbestehenden Exemplaren gemacht werden können.

Die gesellschaftliche Rolle des Theaters wird fast ausschließlich als eine Beziehung zur Nationalbewegung gedeutet, obwohl die Deutschsprachigkeit zugleich den direkten Kontakt zum gebildeten Europa bedeutete. Relativ wenig erfahren wir über die slawischen und kroatischen Bühnenstücke, es werden lediglich ihre Titel und das Datum der Aufführungen erwähnt. Wir können Parallelen zu den Pester und Prager deutschsprachigen Theater ableiten, denn das eine oder andere Bühnenstück wurde in einem kroatischen, ungarischen oder tschechischen, deutschsprachigen Theater in einer ganz anderen Form adaptiert. Sei es zum Beispiel das Stück von Kotzebue mit dem Titel *Bela's Flucht*, das sowohl einen ungarischen als auch kroatischen Bezugspunkt hat.

Mit der Auflistung dieser Tatsachen wollte ich die Verdienste von Nikola Batušić auf keinen Fall mindern. Auf jeden Fall möchte ich die Arbeit der Herausgeberinnen betonen und hervorheben, die nicht nur die grammatischen Fehler schlichteten und korrigierten, sondern auch die Daten eindeutiger beschrieben, die aktuelle Fachliteratur ausfindig machten und auch mit Hilfe anderer Ergänzungen das Buch wertvoller, nützlicher machten. Das beschriebene Werk kann auch als Ausgang für eine regionale Forschung dienen, denn die Zweisprachigkeit ist einerseits das allgemein kulturfördernde Phänomen der Habsburgermonarchie und andererseits ist der kulturelle Ertrag der Zweisprachigkeit unverzichtbar bei der Analyse der Bestrebungen von Nationalbewegungen.

István Fried

HUŤKOVÁ Anita, ŠUŠA Ivan (red.): **Jazyky krajín V4 v súčasnej Európe. Jazyk ako prostriedok na vyjadrenie a formovanie identity.** Banská Bystrica: Belianum, Filozofická fakulta Univerzity Mateja Bela, 2016. 312 p.

Languages in the V4 Countries of Contemporary Europe is a conference book which contains papers presented at a conference held at the Department of Philosophy of Matej Bel University in Banská Bystrica on 13–14 September 2016. The conference financed by the International Visegrad Fund was organized as a part of a joint project of four universities: Matej Bel University (host institution), the University of Ostrava (Czech Republic), the University of Szeged (Hungary), and the University of Silesia in Katowice (Poland). However, apart from the scholars from the above-mentioned institutions, the conference was attended by several academics from such universities as ELTE University of Budapest, the University of Warsaw, Constantine the Philosopher University in Nitra, and the János Seelye University in Komárno.

The conference book edited by Anita Huťková and Ivan Šuša contains papers in four languages: Czech, Hungarian, Polish, and Slovak. It is not accidental that the editors decided to accept papers in the languages of the V4 countries only. As explained in the introduction, languages, literatures, and cultures of the V4 Member States are often wrongfully referred to as “small”. This pejorative description clearly affects the way they are perceived. The editors of the volume came up with the assumption that the language we speak is an expression of our identity and it has an impact on its development. Therefore, they believe that the V4 countries should redefine their identities and, in consequence, reconsider their places in united Europe. Following these considerations, the authors of the articles included in the volume tried to answer the subsequent questions: Does the identity of an individual or a nation deform together with the language? Is identity really expressed through language and is it possible to look for identity in language and through language? (p. 7).

The papers of the volume can be divided into four thematic groups. The first one raises the issues of minority, bilingualism, and identity. Ladislav György’s paper *Language and identity in the context of bilingualism* characterizes Slovak–Hungarian and Hungarian–Slovak bilingualism, which can be observed in the ethnically mixed territories of both Slovakia and Hungary (pp. 63–72). Anita Huťková’s article *Language as a tool of communication and identity* is devoted to the analysis of the relationship between language and identity (pp. 86–95). The author is trying to figure out whether “the language we speak determine our identity or the reverse” (p. 95). Finally, she comes to the conclusion that language influences all types of identities: individual, social, and collective (p. 92). Anita Račáková’s contribution *The image of an individual and society in contemporary marketing terminology* provides an analysis of selected units from marketing terminology, which can be understood as a “demonstration of the professional thinking of marketers” (p. 153). Tünde Tušková analyzes the bilingualism of Slovak students in Hungary (pp. 259–267), whereas Mária Žiláková’s paper is devoted to the historical aspects of the identity of Hungarians in Slovakia (pp. 299–310).

An important part of the volume raises such issues as translation, interpretation, and translatability. Both Zuzana Bohušová and Zita Veit deal with the problem of translation: the Slovak author analyzes the “determining signs of authenticity, identity, and hybridity in texts” (p. 17), while the Hungarian one presents a new approach to interpreting a training methodology called “translation coaching” (pp. 275–283). Erzsébet Drahotová-Szabó’s contribution provides an analysis of the topic of translatability and untranslatability with regard to a German translation of László Garaczi’s novel (pp. 40–50), whereas Małgorzata

Kalita analyzes the Polish translation of a novel by a Czech author Petra Hůlová (pp. 112–121). Lucyna Spyrka's article *Translation in the context of globalization* (pp. 202–212) deals with the phenomenon of *lingua franca* in the context of English, artificial languages, and one common Slavonic language. As the author notes, up to now seventy attempts have been made to create the Slavonic language (p. 206).

The third and the fourth parts of the volume contain articles in the field of literary studies and linguistics. Eva Čulenová's paper presents research on the perception of the Arabic language by Slovaks (pp. 27–39). Christopher Hopkinson's contribution provides an analysis of the "genre" of "facework" (pp. 73–85). Petra Jesenská analyzes an influence of English on Slovak neologisms (pp. 102–111). Natalia Shlikhutka's paper deals with the impact of globalization on the Slovak language (pp. 176–183). Ivan Šuša's paper *Languages in education* (pp. 231–239) is devoted to teaching Slovak to foreigners abroad. Renáta Tomášková analyzes the differences between English as *lingua franca* and as a native language in scientific texts (pp. 240–249). Irena Šebestová's paper, which can be classified as a literary interpretation, deals with a novel by August Scholtis in order to present the bilingual environment of Hlučínsko (currently Czech Republic) (pp. 223–230), while Magdalena Roguska's contribution provides an analysis of two novels by translingual women writers of Hungarian and Polish origin (pp. 154–166).

As it is clear from the above, by drawing complex networks around such nodes as language, identity, Central Europeanness, globalization, and translation, the volume sheds new light on processes occurring in culture, language, and literature.

Zoltán Németh

ТАХО-ГОДИ Е. **Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919.** (Исследования по истории русской мысли. Т. 17.) Москва: «Модест Колеров», 2014. 368 с.

The book under review, an astounding monograph by Professor Takho-Godi, deserves a unique place in international research conducted into Losev's heritage not only because of the utmost vital material and in-depth interpretation it offers but also due to the fact that, by virtue of employing interdisciplinary approaches required by the subject matter, it will undoubtedly throw light on a great variety of fundamental aspects concerning Russian philosophy, culture as well as literature. A leading coordinator of international Losev studies, a Professor at Lomonosov Moscow State University, a senior fellow at the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAN), a curator and scientific researcher of A. F. Losev House, the author had previously summarized her findings in a book dedicated to Losev's literary pieces, which demonstrate a tendency of modelling, in part, Post-Symbolist patterns (ТАХО-ГОДИ 2007). In her latest monograph, the author unveils events affecting Losev's lifework, hitherto believed unknown, which reflect the core tendencies at the initial stage of Losev's thought taking shape. By doing a puzzle in a virtuous arrangement and rearrangement of facts and texts, Yelena Takho-Godi is step by step contriving an absorbing and veritable narrative to draw up a pinpoint reconstruction of the process, which is envisaged as the shaping and maturing of Losev's philosophy, with few questions left unanswered due to the lack of materials.

The monograph is broken down into five major parts, parts 2 to 5 consisting of a publication of unknown articles and letters by Losev to Vyacheslav Ivanov, P. A. Florensky, etc., materials for his biography including two curricula vitae from 1918 and 1919, a list

of publications dating from 1916 to 1930, a critical reconstruction of events and facts constituting the chronicle of the philosopher's life between 1893 and his arrest in 1930, and, finally, a review by Natalie Daddington, who gave an early account of Losev's writings. The first part (pp. 11–178), which is made up of a fine introduction and three subchapters, comprising approximately half the book, presents 1) close readings of Losev's editorial activities in preparing the series of books which would be printed under the title *Духовная Русь* [Spiritual Russia]; 2) a detailed inquiry into Losev's texts published in the anarchist newspaper *Жизнь* [Life] in 1918; and 3) a survey exposing facts and hypotheses correlated with the philosopher's contribution to the book *Rußland*, which came out in Switzerland in 1919. With unprinted materials emerging, whose publication grants easy access for the first time on an international scale, approaches, schemes, and facts are not only best preserved but become directly applicable, which appear to be of primary importance for researchers in a great variety of fields. Focusing her attention on Losev's oeuvre in general with special regard to the period fixed in the title of the monograph, the author showcases the outcome of multiple minor researches which highlight the history of culture in this particular era, thus providing a detailed history of separate articles and items which were to be published in the series of *Духовная Русь*.

The chief accents of the monograph are captured in the scrutiny of a series of extremely relevant issues, such as Losev and religious philosophy (here one is confronted with the author's principal hermeneutical approach, i.e. deducing facts from *The Dialectics of Myth* – eventually catalogued as the last anti-Marxist book ever coming out in the USSR –, the thinker's chef d'oeuvres concluding his ideas), Losev and the revolution, Losev and Bolshevism, the mention of Solovyov as a forerunner (an impulse, which later prompted his fundamental, comprehensive study of Solovyov's philosophy and sophiology), and, finally, the history of book publishing in the early years of Soviet power. The concept to regard Losev's literary texts as a source for decoding his philosophical thought proves to be an adequate and most effective method. This is also verified in the light of the philosopher's statement, which unequivocally underscores the ultimate oneness and the deep rooted mutual interdependence of the phenomena of Russian philosophy and Russian literature.

On the whole, one of the chief merits of Yelena Takho-Godi's work lies in publishing manuscripts, archival materials, facts previously undetected, and especially Losev's brief juvenile survey in German (with a Russian translation also supplied), which recounts the history of Russian philosophy starting from its very roots. The monograph, drawing on many years of painstaking research, a result of industrious efforts to collect, track, and decipher memoirs, including information preserved in family archives in the West, also contains remarks of great significance concerning the code to decrypt gradual shifts in Losev's terminology, which kept occurring after the years spent in prison and labour camp. A worthy discussion of early impulses gained from attending Vyacheslav Ivanov's lecture *On the Boundaries of Art* and also the meetings of the Religious Philosophical Society in the Memory of V. Solovyov where Losev could also meet Fr. Sergius Bulgakov, Berdyaev, and S. Frank (pp. 43–51), verifies the spiritual kinship between Losev and the contributors to the prestigious collection of articles *Vekhi* (TAKHO-GODI 2013) as pointed out in Takho-Godi's argumentation. It also supports the thesis, according to which Losev has proven to be the last representative of the Silver Age of Russian culture, upholding continuity.

Confirming in the introduction that in his youth, Losev was predominantly intrigued by the works of N. Berdyaev, Fr. S. Bulgakov, and S. Frank, Takho-Godi gives priority to the figures of S. Frank and Bulgakov as one embodying Losev's expectations: for him, Bulgakov's exceptional model bridged the gap between two types of cognition belonging

to different timelines. Simultaneously, Bulgakov offered reconciliation between them, personifying the perfect amalgamation of the theologian and the philosopher.¹ Here, we might add that Losev's single position in this respect is likely to have sprung from traditional syncretism, truly featured as *differentia specifica* of Russian culture. Hence his interest in the mystic teachings of Nikolaus Cusanus, the German theologian (cf. ТАКНО-GODI 2018). Notwithstanding stimuli that cyclically gave rise to dualistic cultural paradigms, Russian culture has forever perpetuated its commitment to syncretism by practically disregarding tendencies which penetrated life and civilization with the opposition of Russian and Western thought. Oppositions, paradoxically, maintained coexistence, even in the era of monopolising thought.

Therefore, the dilemma over 'intelligentness' (i.e. «ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ») (pp. 32–33) (coupled with the problem of Russian intelligentsia alike) is seen as intertwined with the incompatibility of the idea of religiousness and the thought of political economy (p. 36). As Losev saw it, it is the clear-cut distinction between idea and ideology that the answer lies in. This basic opposition heralds Losev's standing during the rest of his life, he never gave up the Russian version of the ideal of All-Unity, elements of which can be traced back to Old Greek philosophy. On the other hand, the same holds for his contemplations upon the dubious views and ambiguous positions of Russian liberal intellectuals on the subject of the revolution (pp. 40–41). At this point, an obvious analogy can be discovered, namely, Berdyaev's most telling phrase 'the revolution of the spirit'. Berdyaev de facto looks upon revolution as a matter exclusively related to the individual, whose spiritual ascendance is reckoned the inevitable precondition facilitating social changes. Accordingly, Losev's unsympathetic attitude towards the excruciating historical cataclysm, the refutation of the idea of revolution, is essentially formulated in a statement as follows: "The revolution oppressed the individual" (p. 58).

As for chapter 1, it provides an exhaustive survey of the book series *Духовная Русь* (1918), alongside with a juxtaposition with the collection of articles *Из глубины* [Out of the Depth / De profundis], which allows Professor Takho-Godi to bring forth the conclusion that Losev's Weltanschauung at the time implies similar lines. Further argumentation is delivered in Losev's memories about the chaotic massacre brought about by the events in 1905, a decisive experience, which can be considered as an antecedent of his ripening thoughts related to the contradiction between Russian culture, a vehicle of Logos, opposed to the revolution. The series *Духовная Русь*, having declared itself as a non-party and non-confessional forum, would be a protest against totalitarian doctrine. Still, the project remained a 'dream', as Losev later put it in an interview. As a counterbalance to Bolshevik ideology loosed upon Russia, Losev's article to be published in the series with the title *Richard Wagner and Rimsky-Korsakov* – though the entire manuscript seems to have vanished except for a small page of the draft – appeals to the 'musical principle' as the potential instrument of knowing the true nature of culture. An analogue proposed by Losev in his analysis of Wagner's *The Ring of the Nibelungs* points to both Losev's method of making conclusions on the basis of his research in musicology and to his sympathy harboured for the Symbolist's ideals, among others, those of Vyacheslav Ivanov with his cult of the ritual. A would-be contributor to the series, Ivanov himself was working on an article with language in its focus, in which, instead of collective amnesia, he advocated the prospect offered by faith (pp. 72–87).

¹ This ideal appears to bear similarities with the conclusion drawn by Robert Bird in an excellent recent study of *The Dialectics of Myth*. Bird states that Losev regards mythic discourse as a peculiar encounter with reality (BIRD 2017: 158).

In chapter 2, an important lacuna is filled owing to the valuable contributions to the history of Russian anarchism. This topic is related to Losev's notes published in the anarchist newspaper *Жизнь*. The spirit of this newspaper had to do a lot with the striking realisation that for the intelligentsia, loosing its grounds, there was no place in the new order. Those who contributed articles to this organ make up an impressive list of names, including Blok, Akhmatova, Aikhenvald, Bely, Gumilev, Remizov, Sologub, and Khodasevich. Actually, Losev did contribute three notes. His views on the evolution of European thought are outlined in an article on Schopenhauer. In this essay, the position of 'Mangodhood' conveyed by the philosophy of Nietzsche (figured as a spiritual disciple of Schopenhauer), a target of severe criticism among contemporary Russian thinkers, is refuted. A survey, presenting a discussion of Losev's *Review of Russian philosophy in the period from 1917 to 1918*, which came to light in the same newspaper, apart from listing a catalogue of recurring themes, such as the problem of the ontology of Russian philosophy, reveals daring criticism on Losev's part: "Russian philosophy keeps silent" about the revolutionary cataclysm.

A strong point in the monograph resides in abundant commentaries on trends observed in contemporary Russian culture and thought in general. For instance, the author convincingly proves that the literary term 'gnoseological novel' had already existed by the time Losev was working on his first serious studies (p. 124). For students of literature, this fact may modify the state-of-art in research concentrated on the relationship of philosophy and literature. A fine account of the impact exerted by *The Dialectics of Myth* both in Soviet Russia and in circles of Russian émigré intellectuals is offered in the meticulous tracking of how copies were attained in contemporary Soviet Russia by leading scholars in Russian literature and culture after the book was banned and confiscated (pp. 124–131). Here, the author also inserts details revealing the circumstances (in particular, documenting the home search), under which Losev was arrested.

The climax in Losev's philosophy in this period is reached and presented in his contribution to the book *Rußland* (1919), his own reading of Russian philosophy. The genesis of the book, alongside with Losev's article contained in it, is discussed in chapter 3 of the monograph. According to Professor Yelena Takho-Godi's theory, the proposal to publish *Rußland* came from a renowned historian and political figure of the time, S. P. Melgunov. Losev's article focuses on the primary definition which describes the true orientation of Russian philosophy, condensed in the term coined by Losev: "Mystico-Ontological Realism" (p. 174). This is also reaffirmed by the thesis which has been put forward by Losev in the same work: Russian philosophy can be considered as a battle fought between Ratio and Logos (Western and Eastern principles of philosophy). The author of the monograph discovers a set of overlaps by comparing Berdyaev's article published in *Vekhi* and Losev's text, which prove to contain a great many correferential sections.

György Zoltán Józsa

References

- BIRD 2017 = BIRD R. Minding the Gap: Detachment and Understanding in Losev's *Dialektika Mifa*. *Studies in East European Thought* 56 (2017): 143–160.
- ТАКНО-GODI 2007 = ТАХО-ГОДИ Е. *Художественный мир прозы А. Ф. Лосева*. Москва: «Большая российская энциклопедия», 2007.
- ТАКНО-GODI 2013 = ТАКНО-GODI Е. Aleksei Losev and Vekhi. Strategic Traditions in Social Philosophy. In: *Landmarks Revisited. The Vekhi Symposium 100 Years On*. Boston, 2013. 214–241.
- ТАКНО-GODI 2018 = ТАКНО-GODI Е. Alexei F. Losev's Impressions of Renaissance Literature and Philosophy. *Russian Studies in Philosophy* 56 (2018): 459–466.

Ичин Корнелия: **Поэтика изгнания. Овидий и русская литература.** Белград: Издательство филологического факультета в Белграде, 2007. 104 с.

Монография Корнелии Ичин как в широком (литературоведение), так и в более узком (сравнительное изучение творчества Овидия и Пушкина, Мандельштама, Бродского) профессиональном кругу занимает весьма доминирующее место. Благодаря филологической аргументированности, глубинному анализу и предлагаемой автором постановке ключевых вопросов о развитии русской поэзии под эгидой Овидия, не говоря о точно выработанной концепции, работа К. Ичин являет собой уникальное достижение в современной международной русистике.¹

Книга состоит из «Вступления» и трех частей – глав, в рамках которых автор представляет обширную и в то же время чрезвычайно развернутую картину как о появлении и развитии ссылок на творчество Овидия в произведениях вышеупомянутых русских поэтов вообще, так и в подробностях с точки зрения ключевой темы монографии – темы изгнания. Данный вопрос заслуживает внимания по той причине, что уже представители русской культуры XVIII века с интересом обращаются к Овидию. К примеру, украинский странствующий философ Григорий Саввич Сковорода переосмысляет тексты римского поэта в духе мистического восприятия. Также нередко обновляются и дополняются отдельные сюжеты *Метаморфоз* русскими деятелями поэтического искусства XVIII века.

В то время как в рецензируемой монографии проблематика обращения русских писателей к творчеству Овидия рассматривается в первой части каждой главы, второму вопросу (мотиву изгнания) уделяется внимание во второй части. Это осуществляется таким образом, что вторая часть подразделяется еще на несколько подзаголовков, количество и распределение которых зависит от того, какими свойствами обладает данный мотив в творчестве каждого названного выше русского поэта по отношению к творчеству Овидия.

Во «Вступлении» перед читателем постепенно раскрывается уходящая своими корнями в далекое прошлое история присутствия «духа» творчества Овидия в художественных и научных трудах русских писателей, поэтов, переводчиков, а также исследователей. Тут мы узнаем, что в рамках обращения русских деятелей искусства и науки к поэтическому наследию Овидия особое место занимают легенда о крымской гробнице и тема участия римского поэта в изгнании, которая вызывала у русских поэтов, вынужденных также испытывать горькую участь ссылки, глубокое сострадание.

Особый интерес к Овидию возникает уже в XVII веке в Киево-Могилянской академии и дальше возрастает в XVIII веке: появляются различные статьи, упоминания о творчестве древнеримского поэта, ему посвящаются отдельные стихи, а также издаются многочисленные переложения произведений Овидия на русский язык. В ракурсе содержания всей книги как единого целого «Вступление», суммирующее раннее восприятие Овидия на русской земле, исполняет с одной стороны вводную функцию, в рамках которой читатель может познакомиться с предшествующими XIX веку событиями, а с другой стороны – переводную функцию, появляющуюся,

¹ Отметим, что в России попыток написать такую монографию еще не было. Касательно Венгрии стоит упомянуть статью будапештского слависта и германиста Марии Дьёндьёши, в которой исследователь разбирает переятые от Овидия мотивы в творчестве Мандельштама (в первую очередь в цикле *Tristia*). Разумеется, о данной статье Корнелии Ичин в свое время не могла знать (см. GYÖNGYÖSI 2017).

прежде всего, в виде заключения в конце первой главы. Здесь выбор предмета настоящего исследования, т. е. анализа овидиевского духа в поэзии Пушкина, Мандельштама и Бродского, верифицируется тем, что именно у вышеупомянутых поэтов овидиевский код выдерживается на протяжении всего творческого пути.

В главе «Пушкин и Овидий» рассматривается отношение Пушкина к жизненному и творческому пути Овидия. Мотив изгнания, появившийся как в судьбе, так и в творчестве Овидия, в первый раз был задан Пушкиным, который из множества ликов римского поэта перенял и выдвинул в своем творчестве именно мотив обреченности на одиночество в ссылке. Вслед за Пушкиным идею русского поэта как поэта-изгнанника продолжили многие другие поэты, в том числе Бродский и Мандельштам.

Однако здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что в тот период, когда Пушкин начинает интересоваться творчеством Овидия, оно уже достаточно основательно укоренилось в русской культуре и литературе. Здесь имеется в виду не только мистическое восприятие Овидия вышеупомянутым бродячим философом Сквородой, но и тот факт, что фигура Нарцисса появляется уже и в произведениях таких русских поэтов и писателей, как, например, Ломоносов. Образованный человек того времени не только отлично танцевал мазурку («... Легко мазурку танцевал / И кланялся непринужденно...» – Пушкин 1960: 13), но и прекрасно ориентировался в жизненном и творческом пути Овидия, на что указывают многочисленные ссылки русских поэтов XIX века на Овидия («... Но в чем он истинный был гений [...] / Была наука страсти нежной, / Которую воспел Назон, / За что страдальцем кончил он...» – Пушкин 1960: 14).

Сначала нам предоставляется возможность в строгом хронологическом порядке подробно познакомиться с научными трудами исследователей, уделявших большое внимание анализу овидиевских мотивов в пушкинских произведениях. П. Черняев закладывает основу для последующих работ, которые, по мнению автора рецензируемой книги, повторяют наблюдения этого литературоведа (с. 17–22).

Позже мы узнаем о том, что Овидий для Пушкина из образа «певца любви», наблюдаемого в раннем творчестве юношеских лет русского поэта, со временем ревоплотился в образ единственного собеседника. Поэзию Овидия и поэзию Пушкина в ссылке (1820–1822 гг.) роднят «мотивы родного города, изгнания, друзей и творчества», появившиеся в таких произведениях Пушкина как послание *К Овидию*, стихи *Погасло дневное светило...*, описание *Из письма к Вигелю*, послание *Баратынскому*, поэма *Цыганы*, а также начало романа в стихах *Евгений Онегин*. Референтом как данных, так и многих других произведений Пушкина, ссылающихся на творческий дух римского поэта, послужили, в первую очередь, *Скорбные элегии* и *Письма с Понта*, но на Пушкина также оказали сильное эмоциональное воздействие *Превращения* и *Tristia* Овидия (с. 22–30).

В главе «Овидий и Мандельштам», после краткого введения, объясняющего первоначальное сходство между творчеством Овидия и Мандельштама тем, что жизнь для Мандельштама после октябрьского переворота в России приравнивалась к жизни в ссылке, на основании распространенного распределения периодов творчества Мандельштама,² следуют три части, из которых последняя подразделяется на дальнейшие три подзаголовка.

² Данная периодизация была предложена в первый раз Л. Гинзбург в работе *О лирике* и в дальнейшем перенята многими другими литературоведами: первый период – это период *Камня*, второй – период *Tristia*, а третий – период 1930-х гг. (Гинзбург 1974: 358).

Тема творчества в целях создания вечного памятника, играющая у римского поэта также немаловажную роль, фигурирует уже в раннем сборнике *Камень* Мандельштама и продолжается – наряду с многочисленными другими мотивами (например, мотивами печали, скорби, расставания и т. д.) – и в сборнике *Tristia* (с. 31–44).

Автор выделяет стихи, которые угрожают жизни поэтов в изгнании, т. е. в пространстве «здесь». Если водная стихия (и суровый климат) на Овидия наводят страх, то Мандельштаму они напоминают его родной город. Также идет речь об отношении поэтов к своим отчизнам-империям (дому, друзьям, возлюбленным), т. е. к пространству «там». Овидий, для которого родина означала покой и любовь, старался всячески сохранить связь с Римом и вспоминал о нем с глубокой грустью. Однако в восприятии Мандельштама отчизна ассоциируется с равнодушно поддакивающим властителям городом, в котором самая большая беда поэта – это гибель старого века и пришествие на его смену нового. В этой нелегкой пограничной ситуации русский поэт стремится просто выжить, в чем ему помогает возлюбленная, которая, в отличие от жены римского поэта, сопровождала мужа в сибирскую ссылку. Кроме этого исследуется вопрос о способности творчества пережить поэта и подарить ему вечную жизнь даже после смерти. В рамках данного вопроса выдвигается проблема о сохранении родного языка в условиях изгнания (с. 44–62).

Упоминание эссе *Дитя цивилизации* Бродского, посвященное Мандельштаму, с которого начинается глава «Бродский и Овидий», образует тонкий переход от одного поэта к другому. Тема изгнания особенно важна у Бродского, поскольку он являлся изгнанником не только в жизни, но и в официальной литературе, на основании чего далее следует подробный анализ вышеназванной темы с точки зрения трех групп мотивов, из которых каждая группа подразделяется на 3–4 аспекта, отмеченных прописными (первая группа) и строчными (вторая и третья группы) буквами.

В результате изучения мотивов «„биографического“ порядка» в начале определяется то, что, в то время как Овидий не терял надежду на возврат в родной город, Бродский считал, что он никогда не сможет и не захочет больше возвращаться на родину. После этого трактуются природные явления, окружающие Овидия и Бродского, как, например, водная стихия, а также зима, снег, лед, которые, для Овидия обладали враждебными характеристиками, а для Бродского же, родившегося на севере, отождествлялись с покоем (с. 69–85).

Мотивы о «размышлениях поэтов о родине-империи» раскрывают картину, в рамках которой разбирается отношение поэтов к родному городу. Здесь снова акцентируется тот факт, что в отличие от Бродского, мечтавшего отыскать место, где он не чувствовал бы себя чужим, каким он чувствовал себя в том числе и в России, Овидия отталкивало все, что имело хоть малейшее отношение к изгнанническому пространству. Также рассказывается об отношении поэтов к своим друзьям, родителям и возлюбленной, к которым и Овидий, и Бродский обращались в своих воспоминаниях с огромной любовью (с. 85–96).

Третий состав мотивов, связанный с темами «творчества, славы и бессмертия художника», также разделяется на дальнейшие подгруппы. Здесь, наряду с разбором многих других вопросов, о которых уже было сказано (как, например, вопрос об отношении к языку, к творчеству как к таковому или к музам как к вдохновительницам), автор рецензируемой работы выделяет вопрос об отношении к вечной жизни творчества после собственной смерти, в чем опять же проявляется несходство между поэтами. В то время как Овидий был убежден в том, что его слава после смерти останется жить, Бродский относился с иронией к воздвижению самому себе творческого памятника (с. 97–100).

С точки зрения структуры монографии возникает вопрос позиционирования четвертой части последней главы, суммирующей итоги данной работы (с. 101). Бродский объединил в своем отношении к Овидию восприятие Пушкина, уже на раннем этапе своего жизненного и творческого пути следовавшего римскому поэту, и Мандельштама, который, несмотря на то, что выбрал для одного из своих сборников название *Tristia*, указывающее на *Скорбные элегии* Овидия, скрывал ссылки на творчество Овидия. В целом можно сказать, что настоящая работа поднимает квинтэссенциальные вопросы, давно волнующие не только русскую, но и зарубежную литературоведческую общественность, и отвечает на них во всех подробностях, благодаря чему на высоком уровне способствует решению данного предмета исследования.

Ева Бона

Литература

- ГИНЗБУРГ 1974 = ГИНЗБУРГ Л. Я. *О лирике*. Ленинград: «Советский писатель», 1974.
 ПУШКИН А. С. *Собрание сочинений в 10 томах*. Т. 4. *Евгений Онегин. Драматические произведения*. Москва: «Государственное издательство художественной литературы», 1960.
 GYÖNGYÖSI 2017 = GYÖNGYÖSI Mária: „Az elválás tudománya”. Ovidius *Keservei* és Mandelstam *Tristia* című versciklusa. *Ókor. Folyóirat az antik kultúráról* 2017/3: 8–19.